

Изменения именной парадигмы в ульчском языке в условиях языкового сдвига¹

Введение

Ульчский язык (< тунгусо-маньчжурская языковая семья) находится на грани исчезновения. Им владеют не более 100 человек пожилого возраста, проживающих преимущественно в Ульчском районе Хабаровского края (см. [Герасимова 2002; Kazama 2010; Сумбатова, Гусев 2016]). В опубликованной литературе отсутствует какая-либо информация о диалектном членении ульчского языка. В статье [Суник 1997: 249] указано, что ульчский язык диалектного членения не имеет (то же в [Герасимова 2002: 250]). В то же время носители, с которыми нам довелось работать, указывают на наличие двух диалектов или говоров: озерного и речного². Носители озерного говора происходят из поселений, находившихся на оз. Удыль, и сейчас проживают в основном в с. Богородское. Носители речного говора живут в с. Булава и в окрестных селениях. Диалектное разнообразие ульчского языка требует дополнительного изучения.

Все носители ульчского свободно говорят на русском языке. На данный момент русский является основным языком общения большинства ульчей. Постепенная утрата языка отразилась и на грамматической структуре ульчского языка. В статье описываются механизмы изменения именного склонения в условиях языкового сдвига — подробно рассматривается вариативность именных основ на гласный *vs.* на согласный *-n*, а также утрата лично-притяжательных аффиксов имен.

Во введении представлена информация об именных парадигмах из грамматических описаний Т. И. Петровой [1936] и О. П. Суника [1985], описана методика сбора материала для исследования. В первом разделе речь пойдет о вариативности разных типов именных основ и факторах, влияющих на выбор реализации основы. Второй раздел посвящен факторам, коррелирующим с утратой посессивного аффикса. В третьем разделе обсуждаются различия в данных, полученных от разных информантов, в сопоставлении с социолингвистическими сведениями об информантах. В заключении приводится интерпретация наблюдаемых тенденций и подводятся итоги исследования.

Существительное в ульчском языке может присоединять аффиксы числа, падежа и лица-числа possessora. Аффиксы присоединяются в следующем порядке: stem-NUMBER-CASE-POSS (например, *n'ĩ-sal-du-pi* <человек-PL-DAT-1PL> 'нашим людям'). Единственное число и именительный падеж не имеют формально выраженного показателя. Набор падежных и посессивных аффиксов одинаков для обоих чисел, набор посессивных аффиксов одинаков для всех падежей, форма числового аффикса не зависит от падежа и лица-числа обладателя.

Все основы по морфологическому типу можно разделить на основы, оканчивающиеся на **гласный** (например, *mō* 'дерево'), и основы, оканчивающиеся на **согласный** (например, *xurən* 'гора'), см. [Петрова 1936: 26; Суник 1985: 31—32]. Основы существительных второго типа могут заканчиваться на **согласные -n, -l, -g**. При этом, как отмечают и Т. И. Петрова [1936: 26], и О. П. Суник [1985: 32], в некоторых формах согласные *-n* и *-g* утрачиваются. Это касается прежде всего формы именительного падежа единственного числа, в которой согласный оказывается в абсолютном конце слова. Так, слово *xurən* 'гора' в им. п. ед. ч. реализуется как *xurə*, а слово *dəræg* 'лицо' реализуется как *dərə*³. Слова с основой на *-l* в форме им. п. имеют, наоборот, вариант с дополнительным конечным гласным *-i ~ -i:* например, *χasal* 'крыло' — *χasalī*.

Наиболее многочисленны основы первого типа — на гласный. Среди основ на согласный большинство составляют основы на *-n*. Основы на *-l, -g* представлены единичными лексемами.

¹ Исследование выполнено по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-3158.2017.6 «Полевое исследование контактного влияния русского языка на грамматику вымирающих языков РФ: на материале диалектов нанайского и ульчского языков».

² На наличие двух диалектов в ульчском языке обратил внимание и А. М. Певнов (личное сообщение), см. также указание на наличие варьирования в ульчском языке в [Сумбатова, Гусев 2016: 514].

³ Подобные свидетельства находятся и в самом раннем описании ульчского языка — работе П. Шмидта [Schmidt 1923]. В этом кратком очерке не рассматриваются типы основ, однако автор обращает внимание на то, что один и тот же носитель может употреблять несколько вариантов одного слова, например, слова 'три': *ilan, ila, ela*.

Противопоставление по типам основ релевантно только для парадигмы единственного числа. Все существительные, оформленные аффиксом множественного числа *-sal* (оканчивающимся на согласный *-l*), ведут себя в соответствии с общим правилом для основ на согласный. В им. п. представлены варианты на *-l* и на *-li*: *n't-sal* <человек-PL> 'люди' — *n't-sali*.

От типа основы зависит выбор того или иного алломорфа показателя, следующего за основой (падежного или посессивного). Различие проявляется в форме винительного и локативного падежей, а также в выборе алломорфа посессивного аффикса 1 лица ед. ч. ('мой'), когда он присоединяется непосредственно к основе (т. е. в именительном падеже). См. парадигмы в таблицах ниже. Так, к основам на гласный присоединяется алломорф показателя аккузатива *-wa* ~ *-wə*, а к основам на согласный присоединяется алломорф аккузатива *-ba* ~ *-bə*; конечный согласный основы *-n* при этом подвергается регрессивной ассимиляции и реализуется как *-m*. Например, *mō-wa* <дерево-ACC>, но *xurəm-bə* <гора-ACC>.

Нами было выдвинуто предположение, что в ульчском языке, находящемся в состоянии языкового сдвига, вероятно вариативность между типами основ не только в упомянутой выше форме именительного падежа, но и за ее пределами. В первую очередь, естественно предположить, что основы на согласный будут употребляться как основы на гласный с соответствующими падежными и посессивными показателями, теряя конечный согласный во всех формах. Так, можно допустить, что слово 'гора' в аккузативе у некоторых носителей будет реализовываться как *xurə-wə*, т. е. как существительное на гласный. С другой стороны, поскольку существительные на *-n* также достаточно многочисленны, можно допустить и обратную вариативность: слово на гласный может реализовываться как слово на *-n*. Например, можно допустить, что от слова *gara* 'сук' некоторые носители будут предлагать форму аккузатива *garam-ba*, а не *gara-wa*. Результат исследования вариативности типов основ существительных у современных носителей ульчского языка представлен в главе 1.

Другое явление, рассматриваемое в этой статье, касается лично-притяжательной парадигмы имени. Притяжательность выражается как с помощью лично-притяжательных суффиксов, так и с помощью притяжательных местоимений. Притяжательные местоимения по форме совпадают с косвенной основой личных местоимений: *min* 'мой', *sin* 'твой', *nān* 'его/ее', *mūn* 'наш', *sūn* 'ваш', *nāti* 'их'. Лично-притяжательная парадигма существительного приводится в таблице 1. В таблице 2 для сравнения приводится простая парадигма существительного (парадигмы в таблицах 1а и 2 приведены по [Суник 1985: 34]⁴, парадигма в таблице 1б составлена нами, по аналогии с 1а):

Таблица 1а. Лично-притяжательное склонение существительного *āpūn* 'шапка'

	1 лицо	2 лицо	3 лицо
единственное число посессора			
NOM	<i>āpūm-bi</i>	<i>āpūn-si</i> / <i>āpū-s(i)</i>	<i>āpū-n(i)</i>
ACC	<i>āpūm-ba-i</i>	<i>āpūm-ba-s(i)</i>	<i>āpūm-ba-n(i)</i>
INS	<i>āpūn-ži-i</i>	<i>āpūn-ži-s(i)</i>	<i>āpūn-ži-n(i)</i>
DAT	<i>āpūn-du-i</i>	<i>āpūn-du-s(i)</i>	<i>āpūn-du-n(i)</i>
DIR	<i>āpūn-ti-i</i>	<i>āpūn-ti-s(i)</i>	<i>āpūn-ti-n(i)</i>
LOC	<i>āpūn-dula-i</i>	<i>āpūn-dula-s(i)</i>	<i>āpūn-dula-n(i)</i>
PROL	<i>āpūn-ki-i</i>	<i>āpūn-ki-s(i)</i>	<i>āpūn-ki-n(i)</i>
ABL	<i>āpūn-žiži-i</i>	<i>āpūn-žiži-s(i)</i>	<i>āpūn-žiži-n(i)</i>
DEST ⁵	<i>āpūn-žu-i</i>	<i>āpūn-žu-s(i)</i>	<i>āpūn-žu-n(i)</i>
множественное число посессора			
NOM	<i>āpūm-pu</i>	<i>āpūn-su</i> / <i>āpū-su</i>	<i>āpūn-ti</i>
ACC	<i>āpūm-ba-pu</i>	<i>āpūm-ba-su</i>	<i>āpūm-ba-t(i)</i>
INS	<i>āpūn-ži-pu</i>	<i>āpūn-ži-su</i>	<i>āpūn-ži-t(i)</i>
DAT	<i>āpūn-du-pu</i>	<i>āpūn-du-su</i>	<i>āpūn-du-t(i)</i>
DIR	<i>āpūn-ti-pu</i>	<i>āpūn-ti-su</i>	<i>āpūn-ti-t(i)</i>
LOC	<i>āpūn-dula-pu</i>	<i>āpūn-dula-su</i>	<i>āpūn-dula-t(i)</i>
PROL	<i>āpūn-ki-pu</i>	<i>āpūn-ki-su</i>	<i>āpūn-ki-t(i)</i>
ABL	<i>āpūn-žiži-pu</i>	<i>āpūn-žiži-su</i>	<i>āpūn-žiži-t(i)</i>
DEST	<i>āpūn-žu-pu</i>	<i>āpūn-žu-su</i>	<i>āpūn-žu-t(i)</i>

⁴ Запись латиницей и разделение на морфемы наши. — С. О., Н. С.

⁵ Назначительный падеж (DEST) маркирует прямое дополнение, которое реферирует к объекту, предназначенному для одного из участников ситуации. Форма назначительного падежа есть только в лично-притяжательном склонении и отсутствует в простом склонении.

Таблица 1б. Лично-притяжательное склонение существительного *gasa* ‘утка’

	1 лицо	2 лицо	3 лицо
единственное число посессора			
NOM	<i>gasa-i</i>	<i>gasa-s(i)</i>	<i>gasa-n(i)</i>
ACC	<i>gasa-wa-i</i>	<i>gasa-wa-s(i)</i>	<i>gasa-wa-n(i)</i>
INS	<i>gasa-ži-i</i>	<i>gasa-ži-s(i)</i>	<i>gasa-ži-n(i)</i>
DAT	<i>gasa-du-i</i>	<i>gasa-du-s(i)</i>	<i>gasa-du-n(i)</i>
DIR	<i>gasa-ti-i</i>	<i>gasa-ti-s(i)</i>	<i>gasa-ti-n(i)</i>
LOC	<i>gasa-la-i</i>	<i>gasa-la-s(i)</i>	<i>gasa-la-n(i)</i>
PROL	<i>gasa-ki-i</i>	<i>gasa-ki-s(i)</i>	<i>gasa-ki-n(i)</i>
ABL	<i>gasa-žiži-i</i>	<i>gasa-žiži-s(i)</i>	<i>gasa-žiži-n(i)</i>
DEST	<i>gasa-žu-i</i>	<i>gasa-žu-s(i)</i>	<i>gasa-žu-n(i)</i>
множественное число посессора			
NOM	<i>gasa-pu</i>	<i>gasa-su</i>	<i>gasa-ti</i>
ACC	<i>gasa-wa-pu</i>	<i>gasa-wa-su</i>	<i>gasa-wa-t(i)</i>
INS	<i>gasa-ži-pu</i>	<i>gasa-ži-su</i>	<i>gasa-ži-t(i)</i>
DAT	<i>gasa-du-pu</i>	<i>gasa-du-su</i>	<i>gasa-du-t(i)</i>
DIR	<i>gasa-ti-pu</i>	<i>gasa-ti-su</i>	<i>gasa-ti-t(i)</i>
LOC	<i>gasa-la-pu</i>	<i>gasa-la-su</i>	<i>gasa-la-t(i)</i>
PROL	<i>āpuŋ-ki-pu</i>	<i>āpuŋ-ki-su</i>	<i>gasa-ki-t(i)</i>
ABL	<i>gasa-žiži-pu</i>	<i>gasa-žiži-su</i>	<i>gasa-žiži-t(i)</i>
DEST	<i>gasa-žu-pu</i>	<i>gasa-žu-su</i>	<i>gasa-žu-t(i)</i>

Таблица 2. Простое склонение существительного *gasa* ‘утка’

NOM	<i>gasa</i>
ACC	<i>gasa-wa</i>
INS	<i>gasa-ži</i>
DAT	<i>gasa-du</i>
DIR	<i>gasa-ti</i>
LOC	<i>gasa-la</i>
PROL	<i>gasa-ki</i>
ABL	<i>gasa-žiži</i>

В приведенных формах в скобках указан гласный, который — по крайней мере, в беглой речи — часто опускается. Парадигма, указанная в работе [Петрова 1936: 31—32], в целом совпадает с парадигмой в таблице 1, за тем исключением, что Т. И. Петрова для 2 л. ед. ч. приводит только полные формы — с суффиксом *-si*. Кроме того, Т. И. Петрова для некоторых клеток парадигмы приводит варианты лично-притяжательных показателей, никак их не комментируя. В таблице 3 все суффиксы из [Петрова 1936: 31], полужирным нами выделены те суффиксы, которые не упоминаются в работе [Суник 1985].

Таблица 3. Лично-притяжательные показатели по [Петрова 1936: 31]

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>-i</i> (после гласной) <i>-bi</i> (после согласной)	<i>-pu ~ -pu, -mu ~ -mu</i>
2 л.	<i>-si (-ti)</i>	<i>-su ~ -su (-tu ~ -tu)</i>
3 л.	<i>-ni, -n</i>	<i>-ti, -t</i>

Формы множественного числа образуются аналогичным образом с той лишь разницей, что к основе присоединяется показатель *-sal ~ -səl*, за которым следуют падежный и лично-притяжательный показатель: *āpu-sal-ba-i* <шапка-PL-ACC-1SG> ‘моих шапок’.

Употребление лично-притяжательных показателей современными носителями ульчского языка будет подробно описано в разделе 3. Исходное предположение состоит в том, что в ситуации языкового сдвига будут иметь место тенденции к сокращению инвентаря посессивных суффиксов и к опущению посессивного суффикса (единственным средством выражения посессивных отношений в этом случае ос-

тается притяжательное местоимение или выраженный посессор). Наши данные подтверждают это предположение и показывают, что процесс утраты посессивных аффиксов идет неравномерно.

Что касается падежного инвентаря, то необходимо отметить, что ни один из опрошенных носителей не использовал упоминаемую в предшествующих описаниях форму аблатива *-žiži*. Вместо нее использовался суффикс *-ži* (на возможность такого употребления указывает еще Т. И. Петрова [1936: 29]). Поскольку данный показатель формально совпадает с суффиксом инструменталиса, далее в статье он глоссируется как INS. Также ни один из носителей не употребил форму назначительного падежа, который должен маркировать прямой объект, предназначенный для какого-либо лица. Локативный падеж практически не используется в собственно локативном значении и встречается только в более периферийных функциях (например, для маркирования источника действия, как в ситуации ‘взять у кого-то’). В связи с указанными особенностями употребления падежей исследование лично-притяжательных форм проводилось не на всех падежных формах, а только на наиболее употребительных.

Падежи с пространственным значением конкурируют в ульчском языке с послеложными сочетаниями. Последние, как правило, более точно по сравнению с падежной формой задают локализацию объекта. В некоторых случаях выбор между падежной формой и послеложным сочетанием задан лексически. В особом положении находится направительный падеж (директив) *-ti*. У него есть полностью или практически полностью синонимичный ему коррелят — сочетание имени с клиткой *=ban ~ =bən*, занимающей в современном языке промежуточное положение между послелогом и падежным аффиксом. По предварительным наблюдениям, сочетание с *=ban* заметно употребительнее формы директива *-ti* и частично вытесняет эту падежную форму как в естественных текстах, так и в элицированных данных.

Помимо лично-притяжательных в ульчском языке есть также возвратно-притяжательные формы (напр., *kičən-ži-i* <нож-INS-REFL.SG> ‘своим ножом’). Такие формы не рассматриваются в статье из-за недостатка материала.

Основное исследование проводилось методом эликации. Информантам предлагалось перевести предложения с русского на ульчский язык. Предложения-стимулы содержали существительные, поставленные в определенный контекст так, чтобы при переводе с наибольшей вероятностью можно было получить интересующую нас форму ульчского существительного. Всего было опрошено 13 информантов (от некоторых из них удалось собрать данные только по части рассматриваемых слов). В качестве вспомогательного материала использовались данные текстов (см. детальную информацию в разделе 1) и социолингвистические данные об информантах (о методах сбора социолингвистических данных см. в разделе 3).

1. Вариативность в типах основ

Исследование вариативности типов основ было проведено на материале существительных на гласный и существительных на *-n* (данные по остальным типам существительных были слишком немногочисленны, чтобы делать какие-либо выводы). Принимались во внимание только формы единственного числа (поскольку в форме множественного числа противопоставление между основами нейтрализуется, см. выше) и без посессивных аффиксов. Был составлен список слов, включающий в себя существительные обоих типов. В таблице 4 приведены существительные, использованные в исследовании. Тип их основы указан в соответствии с [Суник 1985].

Таблица 4. Существительные, использованные в исследовании вариативности типа основы

ожидаемая основа на гласный	ожидаемая основа на <i>-n</i>
<i>mapa</i> ‘старик’	<i>pili(n)</i> ‘чашка; тарелка’
<i>piktə</i> ‘ребенок’	<i>bažu(n)</i> ‘враг’
<i>mū</i> ‘вода’	<i>buju(n)</i> ‘медведь’
<i>nā</i> ‘земля’	<i>xurə(n)</i> ‘гора’
<i>inda</i> ‘собака’	<i>awda(n)</i> ‘луг’
<i>ḡāla</i> ‘рука’	<i>aña(n)</i> ‘год’
<i>upultə</i> ‘перо’	<i>xagdu(n)</i> ‘дом’
<i>nī</i> ‘человек’	
<i>xərəkə</i> ‘лягушка’	
<i>tō</i> ‘лось’	
<i>mō</i> ‘дерево’	
<i>ugda</i> ‘лодка’	
<i>gasa</i> ‘утка’	
<i>kori</i> ‘щука’ (в [Суник 1985] <i>kor(u)</i>)	
<i>asī</i> ‘жена’	

Состав списка обусловлен в том числе компетенцией носителей: в список были включены частотные обиходные слова соответствующих типов, которые даже менее компетентные носители могли вспомнить более или менее без затруднений.

Русские предложения, использованные в качестве стимулов, включали в себя переводы искомых существительных на русский язык и были составлены таким образом, чтобы нужное слово оказалось в форме единственного числа в номинативе, аккузативе, дативе или инструменталисе-аблативе (если это было прагматически допустимо). Примеры русских предложений-стимулов для существительного *awda(n)* 'луг' в единственном числе приведены ниже.

(1) Но м и н а т и в

'Рядом с лесом есть большой луг'.

А к к у з а т и в

'Он прошел через луг'.

Д а т и в

'На лугу много травы'.

А б л а т и в

'Корова ушла с луга в лес'.

В таблице 5 приведены данные по количеству отклонений от ожидаемого типа основы. За ожидаемый тип основы был принят тот вариант, который представлен в словаре [Суник 1985] (см. таблицу 4). Сумма чисел для каждого слова соответствует количеству информантов, у которых это слово было опрошено. Так, например, слово *gasa* 'утка' было опрошено у двух информантов. Один из информантов во всех формах употребил основу на гласный, другой информант хотя бы в одной форме употребил основу на *-n gasan*. В столбец «есть отклонения» попадали данные по тем словам, по которым информант хотя бы в одной форме употребил тип основы, не соответствующий ожидаемому.

Таблица 5. Отклонения от ожидаемого типа основы (данные эликации)

основа на гласный	ожидаемый тип	есть отклонения	основа на <i>-n</i>	ожидаемый тип	есть отклонения
<i>mapa</i> 'старик'	2	1	<i>aŋa(n)</i> 'год'	2	2
<i>gasa</i> 'утка'	1		<i>baʒu(n)</i> 'враг'	1	1
<i>mū</i> 'вода'	2		<i>buju(n)</i> 'медведь'	1	1
<i>nā</i> 'земля'	2		<i>xurə(n)</i> 'гора'	2	
<i>nī</i> 'человек'	4		<i>awda(n)</i> 'луг'	3	1
<i>xəɾəkə</i> 'лягушка'	4		<i>xagdu(n)</i> 'дом'	1	11
<i>upultə</i> 'перо'	2		<i>pili(n)</i> 'чашка; тарелка'		1
<i>kori</i> 'щука'	2				
(в [Суник 1985] <i>kor(u)</i>)					
<i>tō</i> 'лось'	4	1			
<i>ugda</i> 'лодка'	5				
<i>asī</i> 'жена'	3				
<i>piktə</i> 'ребенок'	2				
<i>inda</i> 'собака'	2				
<i>ŋāla</i> 'рука'	4				
<i>mō</i> 'дерево'	5				
СУММА	44	3		10	17

Слова, расположенные в белых ячейках, спрашивались только в падежных формах, а слова в закрашенных ячейках спрашивались также в разных посессивных формах.

Данные, приведенные в таблице 5, показывают, что в современном ульчском языке основы на гласный в целом сохраняют свой морфологический тип и редко ведут себя как основы на согласный. Среди основ на *-n* отклонения наблюдаются чаще. Таким образом, можно говорить о тенденции к выравниванию основ по типу на гласный. Наиболее значимые отклонения зафиксированы для слова *xagdu(n)* 'дом', но это может объясняться чисто техническими причинами: это слово было опрошено почти у всех информантов в полной лично-притяжательной парадигме, что сильно повышает вероятность отклонения хотя бы в одной из словоформ.

Как кажется, когда у существительных наблюдаются отклонения в типе основы, можно предположить, что на выбор типа основы могут влиять какие-либо факторы на синхронном уровне: фонетические или морфологические. Имеющиеся данные не позволяют выявить фонетические факторы, которые способствовали бы употреблению основы на гласный или, наоборот, на *-n*. Например, можно было бы допустить, что односложные существительные с долгой гласной ведут себя более стабильно и не допускают вариантов основы на *-n*, однако для слова *tō* ‘дерево’ все-таки было зафиксировано одно употребление с основой на *-n*⁶.

Отклонения от ожидаемого типа основы по-разному проявляются в разных падежных формах. В таблице 6 приводятся данные по каждому падежу. Во втором столбце указано количество всех полученных от информантов форм, которые были реализованы по типу на гласный, а в третьем столбце — количество всех полученных форм, реализованных по типу на *-n*. В последнем столбце указано количество форм, для которых один и тот же носитель приводил два разных варианта. Эти немногочисленные случаи вариативности в статистическом анализе не учитывались.

Таблица 6. Зависимость поведения основы от формы падежа

	как основа на гласный	как основа на <i>-n</i>	вариативность	χ^2 , $p =$
NOM	93	0	1	
ACC	69	9	3	0,0147
DAT	55	20	4	0,1276
INS	44	14	2	0,4649
DIR	23	7	2	0,7093

Отсутствие форм на *-n* в именительном падеже ожидаемо: как было сказано выше, на редукцию основ в этой форме указывают и О. П. Суник, и Т. И. Петрова. Вариативность в форме именительного падежа может проявиться только в притяжательных формах, т. е. при наличии дополнительных аффиксов, следующих за основой. Несмотря на то, что притяжательные формы были включены в подсчеты, только один из носителей допустил в качестве варианта основу на *-n*: этот вариант проявился в притяжательной форме 1 л. ед. ч. в слове *xagdum-bi* <дом-1SG> ‘мой дом’ (для основы на гласный ожидается *xagdu-i*). Среди остальных падежных форм статистически значимая корреляция между падежом и поведением основы (χ^2 , $p < 0,05$) выявлена только для аккумулятива. Иными словами, именно в аккумулятиве обнаруживается большая склонность основ существительных к тому, чтобы вести себя как основы на гласный.

В таблице 7 приведены дополнительные текстовые данные по тем же основам. Использована выборка текстов, записанных в селах Булава и Богородское в 2017—2018 гг., объемом 20034 клаузы. Множество рассказчиков частично, но не полностью пересекается с множеством носителей, от которых собирались данные эlicitации. Основы *pilin-*, *upultə-*, *korj-*, *awdan-* в выборке текстов не встретились, частотная основа *nī-* была исключена из-за омонимии. В подсчеты вошли употребления во всех формах, кроме тех, в которых непосредственно к основе присоединяется посессивный показатель 3 л. ед. ч. на *-n* или показатель отчуждаемой принадлежности на *-ŋ* (перед ним *-n* основы регулярно опускается по фонетическим правилам, и такой контекст не может служить различительным).

В таблицах 8—9 приведены количественные данные отдельно для номинативных и не-номинативных форм у слов, в которых наблюдается вариативность основы. В таблице 8 приведены данные из текстов 2017—2018 гг., в таблице 9 — из текстов, опубликованных в [Суник 1985].

По данным современных текстов вариативность в типе основы наблюдается как в номинативных, так и в косвенных формах. Примечательно, что в более ранних текстах, записанных О. П. Суником в 1966—1976 гг., в косвенных формах наблюдается регулярность: некоторые слова всегда употребляются с основой на *-n*, другие — всегда с основой на гласный⁷. Среди номинативных форм, от которых ожидается

⁶ На выбор основы, в частности, могут влиять очень частные факторы на уровне отдельных лексем или отдельных классов лексем. Например, у слова *gasa* ‘утка’ есть квазиомоним с этимологическим *-n gasa(n)* ‘село’. Для слова *asj* ‘жена’ важно, что оно употребляется преимущественно с посессивными аффиксами, в т. ч. с аффиксом 3 л. ед. ч. в форме *asjini*, для которой противопоставление между основой на гласный и на согласный нейтрализуется. Благодарим за эти наблюдения анонимного рецензента статьи.

⁷ Необходимо, конечно, учитывать, что общее количество употреблений этих слов в текстах из [Суник 1985] невелико, однако даже при небольшом количестве употреблений в современных текстах в косвенных формах наблюдается вариативность.

употребление варианта на гласный, все же встречаются употребления основы на *-n*. Прежде всего, сюда относятся употребления слова перед частицей *=da*, которая, видимо, влияет на реализацию конечного *-n*. Кроме того, в ряде случаев сложно понять, употребляется ли номинативная форма с основой на *-n* или с основой на гласный в сочетании с редуцированным посессивным показателем 3 л. ед. ч. *-n*.

Таблица 7. Вариативность в типах основ: текстовые данные

	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>	ожидаемый тип
<i>mapa</i>	39	0	0%	гласн.
<i>piktə</i>	95	0	0%	гласн.
<i>mū</i>	34	0	0%	гласн.
<i>nā</i>	40	0	0%	гласн.
<i>gasa</i>	6	0	0%	гласн.
<i>iŋda</i>	26	0	0%	гласн.
<i>ŋāla</i>	17	0	0%	гласн.
<i>aŋi</i>	25	0	0%	гласн.
<i>tō</i>	2	0	0%	гласн.
<i>mō</i>	26	0	0%	гласн.
<i>ugda</i>	27	0	0%	гласн.
<i>buju(n)</i>	30	10	25%	на <i>-n</i>
<i>xəɾəkə(n)</i>	2	1	33%	на <i>-n</i>
<i>xagdu(n)</i>	24	19	44%	на <i>-n</i>
<i>baʒu(n)</i>	4	6	60%	на <i>-n</i>
<i>xurə(n)</i>	2	4	67%	на <i>-n</i>
<i>aŋa(n)</i>	2	34	94%	на <i>-n</i>

Таблица 8. Вариативность в типах основ по текстам 2017—2018 гг.
(номинативные/неноминативные формы)

	не NOM			NOM		
	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>
<i>buju(n)</i>	7	6	46%	23	4	15%
<i>xəɾəkə(n)</i>	1	0	0%	1	1	50%
<i>xagdu(n)</i>	3	8	73%	21	11	34%
<i>baʒu(n)</i>	1	0	0%	3	6	67%
<i>xurə(n)</i>	0	4	100%	2	0	0%
<i>aŋa(n)</i>	1	25	96%	1	9	90%

Таблица 9. Вариативность в типах основ по текстам [Суник 1985]
(номинативные/неноминативные формы)

	не NOM			NOM		
	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>	на гласн.	на <i>-n</i>	% на <i>-n</i>
<i>buju(n)</i>	0	23	100%	24	1	4%
<i>xəɾəkə(n)</i>	5	0	0%	24	2	8%
<i>xagdu(n)</i>	0	48	100%	17	3	15%
<i>baʒu(n)</i>	1	0	0%	3	0	0%
<i>xurə(n)</i>	0	12	100%	12	1	8%
<i>aŋa(n)</i>	0	2	100%	0	2	100%

В таблице 10 приведена сопоставительная частотность по отдельным формам для трех наиболее частотных основ с вариативностью по текстам 2017—2018 гг.

Таблица 10. Распределение по формам: для трех частотных основ с вариативностью

	<i>biju(n)</i> ‘медведь’: % на -n	<i>aña(n)</i> ‘год’: % на -n	<i>xagdu(n)</i> ‘дом’: % на -n	на гласн.	на -n	всего % на -n	χ^2 , p =
НОМ ⁸	15%	86%	29%	38	16	30%	<< 0,0001
АСС	36%	0%	0%	7	4	36%	0,25
остальное	67%	97%	59%	11	43	80%	<< 0,0001

Таблицы показывают, что данные современных текстов не противоречат приведенным выше экспериментальным данным:

а) вариативность в основах действительно имеет место в спонтанной речи и не может объясняться погрешностями эликации;

б) основы на гласный ведут себя ожидаемым образом⁹;

в) основы на согласный обнаруживают вариативность;

г) различия между основами, насколько можно судить по немногочисленным данным, прежде всего связаны с частотным соотношением форм, характерных для данного слова (так, например, существительное ‘год’ с наибольшим процентом форм на согласный употребляется в основном в дативе);

д) склонение по гласному типу характерно для основ на согласный в формах номинатива и аккумулятива (так же, как в экспериментальных данных);

е) при этом в текстах, в отличие от экспериментальных данных, в номинативе встречается и исход на согласный.

2. Вариативность в маркировании лично-притяжательных форм

Для исследования вариативности в лично-притяжательной парадигме у носителей методом эликации (а именно — перевода русских стимульных предложений на ульчский) были собраны предложения, содержащие лично-притяжательные формы слов *xagdu(n)*¹⁰ ‘дом’, *piktə* ‘ребенок’, *asi* ‘жена’ только в единственном числе, *inda* ‘собака’, *ugda* ‘лодка’ в единственном и множественном числе в номинативе, аккумулятиве, дативе и инструменталисе-аблативе. Почти ни от кого из опрошенных носителей не удалось получить все искомые формы для всех перечисленных имен. Тем не менее, как кажется, имеющегося материала достаточно, чтобы делать некоторые предварительные выводы.

Наблюдаемую вариативность в употреблении лично-притяжательных аффиксов можно свести к двум тенденциям: 1) употребление показателя ед. ч. при посессоре мн. ч. (например, *sun xagdu-si* ‘ваш дом’ вместо *sun xagdu-su*) и 2) полное отсутствие лично-притяжательного аффикса.

В таблице 11 приводится количественная информация об употреблении показателей единственного числа вместо ожидаемых показателей множественного числа.

Таблица 11. Употребление посессивных показателей ед. ч. в контексте мн. ч.

	ожидаемый показатель мн. ч.	показатель ед. ч.	
		1 л. -i	2 л. -si 3 л. -ni
посессор 1 л. мн. ч.	51 -p/-pu/-tu	2	8
посессор 2 л. мн. ч.	16 -su 38 -s	1	9 6
посессор 3 л. мн. ч.	3 -ti	2	76

⁸ Употребление формы номинатива в контексте энклитик попало в строку «остальное».

⁹ Это верно для данного списка основ, однако вообще оформление основ на этимологический гласный как основ на согласный в текстах в некотором количестве встречается.

¹⁰ Это слово приводится ниже в иллюстративных примерах в формах, характерных для основ на гласный, а не согласный, поскольку в речи современных носителей оно фигурирует почти исключительно как слово с основой на гласный (см. раздел 1).

В полученных примерах информанты всегда использовали притяжательные местоимения (напр., *sun* ‘ваш’). Это позволило отделить интересующие нас случаи употребления показателя ед. ч. вместо мн. ч. (типа *sun xagdu-si* ‘ваш дом’) от случаев, когда носитель целиком выдавал форму ед. ч. (включая притяжательное местоимение, типа *sin xagdu-si* на стимул ‘ваш дом’), что, возможно, было вызвано неверным восприятием стимульного предложения. Такие употребления, в которых и форма, и местоимение не соответствовали ожидаемым, не учитывались при подсчетах.

Как было отмечено в начале статьи, лично-притяжательным показателям свойственна редукция той или иной степени. В частности, во многих случаях показатели употребляются без гласного: *-n* вместо *-ni*, *-p* вместо *-pu* и т. д. Это создает некоторую проблему для показателей 2 лица, начинающихся с согласного *-s* как в ед. ч., так и во мн. ч.: при редукции показателя 2 л. до *-s* невозможно определить, относится ли данный показатель к ожидаемому маркеру мн. ч. *-su* или к показателю ед. ч. *-si*. Такие случаи были подсчитаны отдельно и условно включены в столбец «ожидаемый показатель мн. ч.» (отметим, что этих неочевидных случаев заметно больше, чем бесспорных случаев употребления показателя мн. ч.).

Итак, данные в таблице 11 показывают тенденцию к сокращению инвентаря посессивных аффиксов в речи современных носителей ульчского языка. При посессоре 3 л. мн. ч. опрошенные информанты практически всегда употребляют показатель ед. ч. *-n(i)*. Этот же показатель может иногда использоваться и при посессорах 1 и 2 лица. При посессоре 2 л. мн. ч. также сравнительно часто используется показатель 2 л. ед. ч.: в 9 случаях при 16 случаях употребления ожидаемого показателя *-su*. Напротив, замена показателя 1 л. мн. ч. на ед. ч. происходит крайне редко. См. обобщающую таблицу 12.

Таблица 12. Сокращение инвентаря посессивных аффиксов в речи современных носителей

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	аффикс 1 л. ед. ч. (<i>-i</i> ~ <i>-bi</i>)	аффикс 1 л. мн. ч. (<i>-pu</i> ~ <i>-pi</i>)
2 л.	аффикс 2 л. ед. ч. (<i>-s(i)</i>)	омонимичный редуцированный аффикс 2 л. ед. ч. / мн. ч. <i>-s</i>
3 л.		аффикс 2 л. ед. ч. (<i>-s(i)</i>)
		аффикс 3 л. ед. ч. (<i>-ni</i> ~ <i>-n</i>)

Как было отмечено выше, лично-притяжательные показатели нередко полностью опускаются. Так, вместо *sun xagdu-su* ‘ваш дом’ может быть употреблено *sun xagdu*. Притяжательное местоимение (в данном случае *sun* ‘ваш’) при этом было использовано информантами во всех предложенных контекстах (то есть случаев, когда посессивные отношения оформляются только посессивным аффиксом, в наших данных не встретилось).

Можно предположить, что опущение аффикса коррелирует с другими грамматическими параметрами. Ниже приводятся результаты подсчетов доли словоформ без лично-притяжательного показателя в зависимости от разных грамматических факторов: от падежа (таблица 13), числа обладаемого (таблица 14), лица и числа посессора (таблица 15). Во втором и третьем столбцах указано абсолютное количество примеров без лично-притяжательного аффикса и с аффиксом соответственно, в четвертом столбце указано количество словоформ, для которых один и тот же информант привел оба варианта (эти примеры при статистическом анализе не учитывались), в последнем столбце указана доля примеров с опущенным аффиксом.

Таблица 13. Зависимость опущения лично-притяжательного аффикса от падежа

	без аффикса	с аффиксом	вариативность	процент употреблений с опущенным аффиксом
DAT	33	108		23,4%
NOM	57	142		28,6%
ACC	62	122	3	33,7%
INS	41	73		36%
DIR	38	32	4	54,3%

Критерий χ^2 , $p = 0,00016$

Таблица 14. Зависимость опущения лично-притяжательного аффикса от числа существительного (обладаемого)

	без аффикса	с аффиксом	вариативность	процент употреблений с опущенным аффиксом
SG	154	424	5	26,6%
PL	79	51	2	60,8%

Критерий χ^2 , $p < 0,001$

Таблица 15. Зависимость опущения лично-притяжательного аффикса от лица и числа посессора

	без аффикса	с аффиксом	вариативность	процент употреблений с опущенным аффиксом
3SG	25	113	2	18,1%
3PL	24	77	1	23,8%
2SG	48	98	2	32,9%
2PL	38	64	2	37,3%
1PL	46	62		42,6%
1SG	52	62		45,6%

Критерий χ^2 , $p = 0,000008$

Данные таблиц 13—15 показывают, что опущение лично-притяжательного аффикса коррелирует со всеми рассмотренными грамматическими параметрами. Внутри каждой таблицы грамматические значения выстроены по последнему столбцу, т. е. от наименьшей доли форм без показателя к наибольшей.

Таким образом, можно утверждать, что реже всего показатель опускается в дативных формах, а чаще всего — в директивных. При этом, если разница между дативом, номинативом, аккумулятивом и инструментализмом не очень велика, разрыв между директивом и остальными падежами оказывается существенно больше — 18%.

Что касается числа обладаемого, то ощутима тенденция форм множественного числа к опущению рассматриваемых показателей.

Лично-числовые характеристики посессора выстраиваются в стройную иерархию лиц: $3 > 2 > 1$ (показатели 3 лица опускаются реже всего, а показатели 1 лица чаще всего). Разница между каждым из лиц статистически значима, разница между единственным и множественным числом посессора статистически незначима¹¹.

3. Индивидуальные стратегии носителей.

Корреляция с социолингвистическими параметрами

Выше были рассмотрены усредненные данные по всем опрошенным информантам. В этом разделе данные по каждому из них будут сопоставлены между собой и будет предпринята попытка соотнести эти данные с социолингвистической биографией каждого конкретного носителя.

Как упоминалось выше, обсуждаемая выше грамматическая информация была собрана от 13 носителей ульчского языка разного возраста и с разным уровнем языковой компетенции в с. Булава и с. Богородское Ульчского района. От каждого из носителей была собрана также краткая социолингвистическая анкета¹² в форме полуструктурированного интервью на русском языке (примерно от 10 до 30 минут аудиозаписи). Анкета включала базовую информацию о носителе (ФИО, дата и место рождения, место жительства, профессия, уровень образования, переезды в течение жизни и под.), информацию об использо-

¹¹ В этом разделе речь идет о лично-числовых притяжательных аффиксах, оформляющих существительное-обладаемое. При этом тот же набор лично-числовых аффиксов используется и в значительной части глагольной парадигмы для маркирования лица-числа субъекта. Эти употребления лично-числовых аффиксов в работе не рассматриваются. Для глагола также возможно их опущение. Однако оно регулируется, как кажется, совершенно иными факторами и дает иную картину. В частности, по предварительным наблюдениям, формы 3 лица глагола опускаются, наоборот, чаще форм 1 и 2 лиц.

¹² За основу были приняты анкеты, разработанные О. А. Казакевич, с некоторыми модификациями.

вании ульчского и русского языка в разные периоды жизни и в разных ситуациях; по возможности подобная информация собиралась также со слов информанта о его родственниках (особенно старших: родителей, бабушках-дедушках) и о месте/местах его жительства в целом.

С частью информантов (7 из 13) был проведен дополнительный тест на оценку использования ульчского и русского языков в разные периоды жизни. Информанту необходимо было оценить соотношение использования им ульчского и русского языка по 6 временным срезам: 0—6 лет (до школы), 7—12 лет (начальная школа), 12—17 лет (средняя школа), 18—25 лет, 26—50 лет, 51 и старше. Тест проводился в визуальной форме. Информанту давали лист бумаги с 6 окружностями, каждая из которых соответствовала одному временному срезу. Задание состояло в том, чтобы на каждом круге закрасить сектор «русского языка» и оставить незакрашенным (или закрасить другим цветом) сектор «ульчского языка». Давалась инструкция типа: «Покажите на этом круге, сколько вы говорили на русском, а сколько на ульчском» (сопровождая примерами вроде: «Если только на русском, закрасьте круг целиком, если только на ульчском, оставьте незакрашенным, если примерно пополам, то закрасьте вот так» и под.). После выполнения задания результаты обсуждались с информантом: ему задавались вопросы о том, из каких коммуникативных ситуаций и какого круга собеседников складывается «русский» и «ульчский» сектора, а также о том, почему в следующем круге изменилось соотношение секторов¹³.

Также с большинством информантов проводилась и другая работа, дающая представление об уровне их языковой компетенции: расшифровка аудиозаписей на ульчском языке, порождение текстов, сеансы элицитации с переводом предложений с русского языка на ульчский и оценкой грамматичности предложений на ульчском языке, сбор лексических списков.

В таблице 16 дана сводная социалингвистическая информация о каждом из опрошенных носителей, полученная вышеописанными методами.

Таблица 16. Социалингвистическая информация о носителях

код	пол	год рождения	место рождения	место жительства	использование ульчского	тексты на ульчском	перевод с РЯ	понимание текста на ульчском
aid	ж	1931	речной: Новая Ферма	Булава	(группа А)	да	да	(да)
vas	ж	1933	озерный: Кольчём	Богородское	группа А	да/нет	?	(да)
gir	ж	1934	озерный: Кадаки	Булава	группа А	да	да	(да)
tsd	ж	1937	речной: Аори	Булава	(группа А)	да	да	(да)
nvk	м	1946	речной: Булава	Булава	группа В	да/нет	да/нет	да
lnm	ж	1947	озерный: Кольчём	Богородское	(группа В)	да	(да)	да
rip	ж	1948	речной: Булава	Булава	(группа В)	?	?	?
apk	ж	1948	речной: Булава	Булава	группа В	да/нет	?	да
agk	м	1949	речной: Аори	Булава	группа А	да/нет	да	да
nad	ж	1953	речной: Булава	Булава	группа С	да/нет	?	да
gnv	ж	1954	озерный: Кольчём	Богородское	(группа С)	да/нет	да/нет	да

¹³ Следует оговорить, что а) этот тест дает не объективную оценку соотношения языков в репертуаре говорящего, а его собственную самооценку; б) в связи с этим результаты теста для разных информантов не могут быть напрямую сопоставлены (то, что один носитель оценил как «четверть», другой может, например, оценить как «одну восьмую»); в) более информативны и сопоставимы, как кажется, данные по изменению соотношения между языками в течение жизни.

код	пол	год рождения	место рождения	место жительства	использование ульчского	тексты на ульчском	перевод с РЯ	понимание текста на ульчском
kpr	ж	1954	речной: Булава	Булава	(группа В)	?	?	?
npd	ж	1960	речной: Булава	Булава	группа С	нет	нет	да/нет

Примечания к таблице:

1) Место рождения. «Речной» и «озерный» — деление населенных пунктов по говорам.

2) Использование ульчского языка в разном возрасте. Информанты разделены на группы в соответствии с результатами описанного выше теста (для тех, с кем тест не проводился, дана приблизительная оценка на основании социолингвистической анкеты).

— Группа А: до школы русского не знали, постепенное уменьшение использования ульчского начиная с начальной школы.

— Группа В: до школы русского не знали, резкое уменьшение использования ульчского начиная с начальной школы.

— Группа С: активное использование русского параллельно с ульчским уже с дошкольного возраста, ульчский не является «первым» языком.

Более подробно данные теста представлены на Графике 1.

3) Свободное порождение текстов на ульчском языке:

— да: записаны свободные полноценные нарративы;

— нет: нарративов от этого носителя записать не удалось, и очевидно, что они не могут быть от него записаны;

— да/нет: записаны один-два простых автобиографических текста с переключением кодов, порождаются с очевидным усилием;

— вопросительный знак: недостаточно данных для оценки компетенции.

4) Свободный перевод длинных предложений с русского языка:

— да: свободно переводятся предложения любой сложности и длины;

— да/нет: свободно переводятся простые предложения с простой лексикой, с грамматически и/или лексически более сложными возникают проблемы;

— в скобках: такого рода заданий информанту не давалось или давалось слишком мало;

— вопросительный знак: недостаточно данных для оценки компетенции.

5) Свободное понимание текста на ульчском языке:

— да: с носителем успешно проводилась работа по расшифровке текстов, в частности сложных фольклорных текстов, записанных от носителей более старшего поколения;

— да/нет: с информантом проводилась работа по транскрипции и переводу текстов, при работе с достаточно сложными текстами от носителей более старшего поколения информант испытывает затруднения;

— в скобках: приблизительная оценка, работы по транскрипции и переводу текстов с этим информантом не проводилось (по возрасту, состоянию здоровья и под.);

— вопросительный знак: недостаточно данных для оценки компетенции.

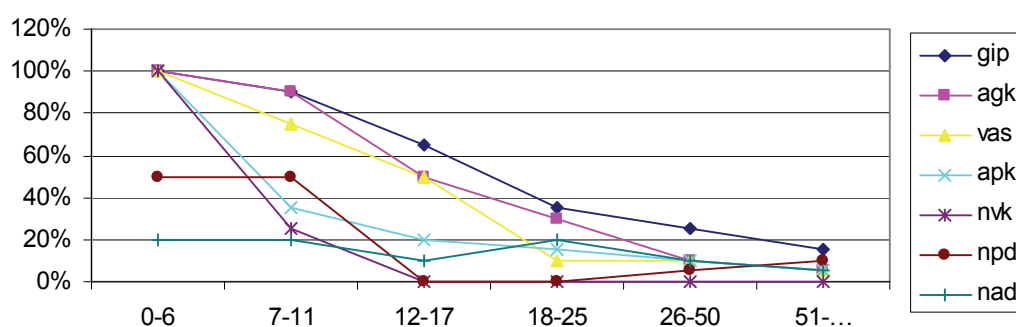

График 1. Использование ульчского языка в разные периоды жизни: индивидуальные профили носителей

В таблице 17 та же информация, что и в таблице 16, представлена в численном виде: каждый параметр из таблицы 16 задан в виде числа от 1 до 3 (нет — 1, да/нет — 2, да — 3; возраст: 1931—1940 — 3, 1941—1950 — 2; 1951—1960 — 1, использование языка: группа А — 3, группа В — 2, группа С — 1). В последнем столбце дана сводная условная оценка компетенции носителя: среднее арифметическое всех учтенных параметров (параметры учтены с одинаковым весом)¹⁴.

Таблица 17. Уровень компетенции носителей: количественная оценка

код	возраст	использование языка	порождение текстов	перевод с РЯ	перевод с ульчского	сводный «уровень компетенции»
aid	3	3	3	3	3	3
gip	3	3	3	3	3	3
tsd	3	3	3	3	3	3
vas	3	3	2	?	3	2,75
lnm	2	2	3	3	3	2,6
agk	2	3	2	3	3	2,6
apk	2	2	2	?	3	2,25
nvk	2	2	2	2	3	2,2
rip	2	2	?	?	?	2
gnv	1	1	2	2	3	1,8
nad	1	1	2	?	3	1,75
kpr	1	2	?	?	?	1,5
npd	1	1	1	1	2	1,2

В таблице 18 эта мера для каждого из носителей сопоставляется с двумя количественными оценками, отражающими результаты двух исследований, описанных выше: 1) вариативность в типах основ: доля именных основ, в которых наблюдается отклонение от ожидаемого типа склонения; 2) утрата посессивной парадигмы: доля случаев опущения посессивных аффиксов.

Таблица 18. Уровень компетенции носителей и изменения в именной парадигме

код	«уровень компетенции»	вариативность в типе основы			утрата посессивной парадигмы		
		отклонений от типа склонения	всего основ	% отклонений от типа склонения	без пос. аффикса	всего посессивных контекстов	% опущений пос. аффикса
aid	3	2	4	?	1	29	3%
tsd	3	3	10	30%	3	36	8%
gip	3	0	8	0%	25	91	27%
vas	2,75	1	11	9%	0	26	0%
lnm	2,6	2	2	?	0	24	0%
agk	2,6	1	3	?	11	51	22%
apk	2,25	0	1	?	10	32	31%
nvk	2,2	2	10	20%	75	240	31%
rip	2	1	2	?	21	22	95%
gnv	1,8	5	20	25%	10	12	83%
nad	1,75	1	1	?	43	92	47%
kpr	1,5	1	1	?	14	34	41%
npd	1,2	1	1	?	18	26	69%

Что касается вариативности между типами основ, то, поскольку не от всех носителей собиралась парадигма для большого количества основ, данных слишком мало, чтобы делать уверенные выводы.

Доля опущений посессивного аффикса в целом соотносится с вычисленным по приведенной выше процедуре уровнем компетенции носителей: наименьшее количество опущений наблюдается у информантов с высоким уровнем компетенции, наибольшее — у информантов со средним или наиболее низ-

¹⁴ Получившаяся оценка в целом соответствует нашей интуиции об уровне компетенции данных носителей.

ким уровнем. При этом полного соответствия все же не наблюдается. Не наблюдается и более отчетливой корреляции с каким-то одним из перечисленных выше социолингвистических параметров. На основании данных, приведенных в таблице, можно сделать следующие более частные замечания.

а) Информант *gip* с высоким уровнем компетенции, обнаруживающий неожиданно высокий процент опущений. У этого конкретного носителя наблюдается достаточно сильная индивидуальная перестройка посессивной системы, нехарактерная для других носителей. В частности, в тех случаях, когда посессивный аффикс сохраняется, это в большинстве случаев не посессивный аффикс ожидаемого лица, а посессивный аффикс 3SG, обобщенный в идиолекте *gip* на всю парадигму (такого последовательного обобщения в данных от других носителей не наблюдается). Непонятно, чем объяснять этот случай, но случай *gip* явно во всех отношениях особый.

б) Информанты *vas* и *lntm*, обнаруживающие полностью сохранную посессивную парадигму. Оба информанта — носители с высоким, но не наивысшим уровнем компетенции. Можно заметить, что их объединяет принадлежность к озерному (менее исследованному и хуже сохранившемуся) говору. Возможно, этому говору и изначально было присуще более последовательное аффиксальное маркирование посессора. Отметим при этом, что еще два носителя этого говора — *gnv* с заметно более низким уровнем компетенции и упомянутая выше *gip* — сохранности посессивной парадигмы не демонстрируют. В случае *gip*, впрочем, возможно, скорее стоит говорить о смешанном говоре¹⁵ (что может отчасти объяснять и отмеченное выше своеобразие полученных от нее данных).

в) Информант *gip* с наибольшим количеством опущений в посессивной парадигме и средним уровнем компетенции. С этим информантом мы работали очень мало, и, возможно, уровень его языковой компетенции оценен нами недостаточно точно.

г) Как было сказано выше, не от всех носителей были собраны данные по полностью идентичному набору посессивных контекстов (в наборе данных от каждого информанта по разным причинам имеются те или иные лакуны). При этом здесь мы оцениваем самую простую меру: общий процент опущений во всех предложенных информанту контекстах. Поскольку в разных контекстах (лично-числовых, падежных), как было показано в разделе 2, вероятность опущения разная, лакуны в наборе контекстов, полученных от конкретного носителя, делают общий процент опущений не полностью сопоставимой мерой, что может несколько исказить картину, представленную в таблице 18.

Заключение

Резюмируя представленные в статье данные, можно заметить, что в современном ульском языке, находящемся в условиях языкового сдвига, можно наблюдать некоторое упрощение именной парадигмы. Оно проявляется в утрате отчетливого противопоставления между двумя типами основ, в частичном сокращении инвентаря падежных показателей, а также в упрощении лично-притяжательного склонения, которое состоит в парадигматическом сокращении числа показателей (см. таблицу 12) и в частом опущении этих показателей.

1) Утрата противопоставления между типами основ (основой на гласный и на согласный) проявляется как тенденция к склонению существительных на согласный по типу основы на гласный. Обратные случаи (склонение существительных на гласный по типу основы на согласный) в наших данных очень редки. Это можно объяснить тем, что основы на гласный образуют более многочисленный класс (по крайней мере если рассматривать только парадигму ед. ч.). Наблюдаемый процесс выравнивания основ реализуется в двух аспектах: а) основы на согласный утрачивают конечный согласный, и б) они начинают присоединять набор аффиксов, характерный для основ на гласный. Запускается этот процесс, начиная с одной из центральных падежных форм — формы номинатива: вариант без согласного в современных материалах, полученных при эликации, оказывается практически единственным, а в текстах как современных, так и середины XX века наблюдается вариативность с основой на согласный. Вероятно, то, что в чистой номинативной основе существует сильная тенденция к редукции согласного на конце, спровоцировало вариативность типов основ и в других падежных формах. Другой падежной формой, в которой чаще, чем в других, основы на согласный ведут себя как основы на гласный, оказывается форма аккузатива. Это можно связать с тем, что в форме аккузатива ожидаемое различие между основами двух типов больше, чем в других рассмотренных в исследовании формах: оно заключается не только в исходе

¹⁵ *Gip* родом не из Кольчема, где родились и провели детство трое перечисленных носителей и где, по имеющимся данным, был распространен говор, наиболее отличный от речного. Она родилась в ст. Кадаки (откуда родом и родители *gip*), училась на Ухте, потом в Солонцах, Булаве, Мариинском. Замуж вышла в Булаву (где распространена речной говор), где и прожила большую часть жизни.

основы, но и в выборе алломорфа самого падежного показателя. Закономерно, что носители стремятся в первую очередь к унификации именно этой клетки парадигмы¹⁶.

2) Редуцируется инвентарь лично-притяжательных аффиксов, используемых современными носителями ульчского языка. Принципиальное отличие от парадигмы, представленной в описаниях, фиксирующих язык в стадии до языкового сдвига, заключается в едином показателе для посессора 3 л. ед. и мн. чисел — показателе, исходно относившемся к 3 л. ед. ч. В контексте 2 л. мн. ч. также наблюдается использование показателя 2 л. ед. ч., однако показатель 2 л. мн. ч. полностью не выходит из употребления. В контексте 1 л. изменения редки. В речи некоторых информантов фиксируется обобщение показателя 3 л. ед. ч. на всю парадигму. Таким образом, а) происходит обобщение аффиксов единственного числа на множественное, б) оно идет неравномерно для разных лиц. Первое можно объяснить большей частотностью и семантической немаркированностью контекста единственного числа по сравнению с множественным. Для иерархии лиц можно предложить и более специфические объяснения, причем разные в разных случаях. Экспансию аффикса 3 л. ед. ч. корректнее, видимо, объяснять не столько непосредственно частотностью и/или семантическими особенностями самого этого контекста, сколько редким опущением самого аффикса: показатели 1 и 2 лиц более склонны к полному опущению (см. ниже). На смешение форм 2 лица ед. ч. и мн. ч. с очевидностью дополнительно влияет их исходная формальная близость (*-si* и *-su*) и изначальная возможность фонетического совпадения в редуцированном произнесении (*-s*).

3) Лично-притяжательные показатели регулярно полностью опускаются в словоформе. Это можно объяснить тем, что в именной группе всегда содержится либо притяжательное местоимение, форма которого не совпадает с другими местоимениями, либо существительное, выражающее посессора¹⁷. Таким образом, выражение посессивности оказывается избыточным. Кроме того, можно допустить, что дополнительное воздействие на это грамматическое изменение оказал русский язык, в котором притяжательность также выражается с помощью специализированных местоимений, а аффиксальные показатели на имени отсутствуют (ср. *ваш дом*)¹⁸.

В ходе исследования было также обнаружено, что опущение лично-притяжательных показателей коррелирует с другими грамматическими параметрами словоформы (падежом, числом существительного, а также лицом посессора). На данном этапе сложно утверждать о точных причинах обнаруженных корреляций, но можно выдвинуть ряд гипотез.

Среди падежных форм лично-притяжательные суффиксы опускаются в директиве гораздо чаще, чем в других рассмотренных падежах: номинативе, аккузативе, дативе и инструменталисе. Можно предположить, что это связано с низкой частотностью директива (см. выше о вытеснении директивного падежа клитикой *=ban ~ =bən*): остальные падежные формы, как кажется, встречаются в речи гораздо чаще, поэтому сочетание их с лично-притяжательными показателями легко «вспоминается» носителями, в то время как формы директива, возможно, конструировались современными носителями при переводе предложений.

Фактор частотности может быть релевантен и для объяснения описанных в разделе 2 корреляций с числом существительного и лицом посессора. Формы единственного числа существительного (в которых посессивный аффикс опускается реже) частотнее форм множественного числа (отметим, что в ульчском языке формы единственного числа достаточно широко используются в том числе и во множественном контексте). Посессивные контексты 3 лица (в которых посессивный аффикс опускается реже) частотнее контекстов 1 и 2 лица (отметим, что посессивной конструкцией «имя + имя-3SG» оформляется в ульчском языке довольно широкий круг «генитивных» отношений, включающий, но не ограниченный собственно посессивными).

¹⁶ Можно ожидать, что выравнивание основ на согласный по типу на гласный будет часто происходить и в других случаях, когда основа на согласный требует алломорфа аффикса, отличного от выбираемого для основы на гласный: в форме локативного падежа и в форме им. п. с посессивным аффиксом 1 л. ед. ч. Эти случаи в данном исследовании не проверялись.

¹⁷ Это утверждение верно для данных, полученных путем эликации. В естественных текстах, записанных в 2017 г., эта закономерность проявляется не так регулярно: встречаются употребления притяжательных показателей без выраженного притяжательного местоимения или посессора. Тем не менее, таких примеров меньшинство — всего 46 при 231 случае, когда притяжательное местоимение или посессор были выражены.

¹⁸ Интересно, что тенденция к утрате посессивных аффиксов, по нашим наблюдениям, отсутствует в близкородственном ульчскому нанайскому языку, в том числе и в тех его разновидностях, которые находятся примерно в такой же социолингвистической ситуации, что и ульчский. Ощутимая разница между нанайским и ульчским языками в этом фрагменте грамматики состоит в том, что в нанайском языке, в отличие от ульчского, отсутствуют специализированные притяжательные местоимения.

Однако в случае последних двух корреляций, помимо универсального фактора частотности, могут играть роль и другие факторы, более специфические. Частое опущение посессивных показателей во множественном числе может быть связано с тем, что множественное число выражается дополнительным суффиксом, удлиняющим словоформу еще на один слог и еще на одну морфему: *sun xagdu-wa-su* <ваш дом-ACC-2PL> ‘ваш дом’ vs. *sun xagdu-sal-ba-(su)* <ваш дом-PL-ACC-2PL> ‘ваши дома’. Возможно, чем длиннее словоформа, тем больше вероятность ее сокращения, в данном случае за счет лично-притяжательных показателей. Более частое опущение показателей при 1 и 2 лице посессора можно предположительно объяснить тем, что в этих лицах в именной группе всегда есть соответствующее притяжательное местоимение, благодаря которому невозможно интерпретировать словоформу неоднозначно даже при отсутствии посессивного показателя. В 3 лице существительное может относиться к посессору, выраженному до этого существительным в именительном падеже или в какой-либо другой форме, но не имеющим никаких специальных притяжательных показателей. В этом случае наличие специального маркера, отсылающего к выраженному посессору, кажется более необходимым.

Объем изменений, наблюдаемый в идиолекте конкретного носителя, отчасти коррелирует с общим уровнем его языковой компетенции, однако полного соответствия, как показывают данные, обсуждаемые в разделе 3, все же не наблюдается.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

CASE — падеж

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

DAT — датив

DEST — дестинатив (назначительный падеж)

DIR — директив (направительный падеж)

INS — инструменталис

LOC — локатив

NOM — номинатив

PROL — пролатив

NUMBER — число

PL — множественное число

SG — единственное число

POSS — посессивный показатель

REFL — рефлексив

stem — основа

ед. ч. — единственное число

им. п. — именительный падеж

л. — лицо

мн. ч. — множественное число

Литература

Герасимова 2002 — Герасимова А. Н. Нанайский и ульчский языки в России. Сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки коренных народов Сибири. 2002, 12. С. 246—257. {Gerasimova A. N. Nanai and Ulch in Russia: a comparative characteristic of the sociolinguistic situation // Indigenous languages of Siberia. 2002, 12. P. 246—257.}

Петрова 1936 — Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936. {Petrova T. I. The Ulch dialect of Nanai. Moscow—Leningrad, 1936.}

Сумбатова, Гусев 2016 — Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю. Ульчский язык // Михальченко В. Ю. (гл. ред.). Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 513—515. {Sumbatova N. R., Gusev V. Ju. The Ulch language // Ed. Mikhailchenko V. Ju. Language and society. Encyclopedia. M., 2016. P. 513—515.}

Суник 1985 — Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985. {Sunik O. P. The Ulch language. Studies and materials. Leningrad, 1985.}

Суник 1997 — Суник О. П. Ульчский язык // Алпатов В. М. и др. (ред.). Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 248—260. {Sunik O. P. The Ulch language // Eds. Alpatov V. M. et al. Languages of the world: Mongol languages. Tungus-Manchu languages. Japanese. Korean. M., 1997. P. 248—260.}

Kazama 2010 — Kazama Sh. ‘Urucha gobunpoo gaisetsu’ [Sketch of Ulch grammar] // Kazama Sh. Urucha Koushou Bungei Genbunshuu [Ulch oral literature. A collection of texts] 5. Tokyo, 2010. P. 101—148.

Schmidt 1923 — Schmidt P. The language of the Olchas // Acta Universitatis Latviensis. 1923, 8. P. 229—288.

РЕЗЮМЕ

В работе описываются некоторые изменения в именной парадигме ульчского языка, предположительно вызванные или форсированные ситуацией утраты языка (языкового сдвига). Обсуждаются а) вариативность в типах основ (переходы из одного типа основы в другой) и б) распад системы лично-числовых аффиксов у носителей с разным уровнем языковой компетенции. Исследование основано преимущественно на данных элицитации и социолингвистического опроса носителей.

SUMMARY

This paper deals with some recent changes attested in the noun paradigm of the Ulch language which is severely endangered. The following features that are presumably induced or forced by language shift are in focus: a) the decay of the system of declension types, b) the loss of possessive affixes. Individual strategies of speakers with different levels of language competence are discussed. The study is based on elicited data and on data of the sociolinguistic survey.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, именное словоизменение, посесивные аффиксы, типы склонения, языковой сдвиг, утрата языка

Keywords: Tungusic languages, the Ulch language, noun inflection, possessive affixes, declension classes, language shift, language death, language attrition

Оскольская Софья Алексеевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); sonypolik@mail.ru

Sofia A. Oskolskaya, Institute for Linguistic Studies, RAS (Saint Petersburg); sonypolik@mail.ru

Стойнова Наталья Марковна, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); stoynova@yandex.ru

Natalia M. Stoynova, Institute of the Russian language, RAS (Moscow); stoynova@yandex.ru